

МАНИХЕЙСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАРАЗА**MANICHAISM ON THE TERRITORY OF MEDIEVAL TARAZ**

© 2009 г. К.У. Торланбаева
Алматы, Казахстан

© 2009 K.U. Torlanbayeva
Almaty, Kazakhstan

Манихейство – синкретическое религиозное учение III века нашей эры, получившее название от имени своего основателя Мани. В этот период среди правящей верхушки Сасанидского Ирана, так же как и народа, были распространены многочисленные формы иранской «народной религии»: поклонение великим божествам Митре и Анахите, астральным божествам, зороастризм, зерванизм, существовали многочисленные секты магов. В вавилонских землях наряду с древними местными культами – вавилонскими, иранскими, сирийскими были распространены иудаизм, христианство, баптистские секты. Несмотря на близость Мани к царскому двору, распространение его учения сдерживалось противодействиями зороастрийских священников. Еще при царствовании Шапура они ответили на проповеди Мани составлением Авесты – систематизацией и записью священных преданий, ставших de facto не только народной, но и государственной религией Ирана. Поэтому ареной проповеднической деятельности Мани, его ближайших учеников и последователей стали, главным образом, другие страны. Уже тогда манихейское учение Света достигло Сирии, Палестины, Египта, Малой Азии. Из Египта манихейство распространилось в Северную Африку и Испанию, из Сирии через Малую Азию в Грецию, Иллирию. Проповедь самого Мани слушали в Индии и Кашгаре. Его ученик Мар Аммо обращал в новую веру жителей Абаршахра (Нишапура), Мерва. При нем Хорасан становится основным центром манихейской церкви и базой для распространения манихейства на восток, в княжества Восточного Туркестана, в страну тюрков и Китай. Мар Аммо побывал в долине Окса (Амударьи), где основал манихейскую общину. В тот период самым эффективным способом распространения религиозных учений были торговые караваны, и манихейцы часто бывали купцами. Именно этот колонизационный аспект манихейского миссионерства подразумевался, очевидно, в предписании Мани, отданном одному из известных проповедников Аддаю: «Не уноси их (проповеди) дальше, но оставайся там (т.е. в тех землях, где распространяешь учение) как купец, который открывает сокровище!». Так почти на всем протяжении Великого Шелкового пути возникли «стационарные базы» манихейской пропове-

The Manichaeism is a syncretic religious teaching of the 3 century A.D. named after its founder Mani. Various forms of Iranian “folk religion” – worshipping great gods Mithras and Anahite; astral deities; Zoroastrianism; Zervanism; numerous sects of Magians -- were spread in the reviewed period both among the ruling elite of Sasanid Iran and ordinary people. Note that Judaism, Christianity and Baptist sects were spread in Babylonian lands together with ancient local cults – Babylonian, Iranian and Syrian. Despite Mani’s closeness to the court, dissemination of his teaching was hindered by Zoroastrian priests. During the reign of Shapur, they responded to Mani’s preaching by compiling the Avesta, these systematized and reproduced in writing scriptures which had de facto become not only folk but also the state religion of Iran. It was primarily other countries that turned into arena of preaching activity of Mani, his nearest disciples and followers. In the period under consideration, the Manichean teaching of light reached Syria, Palestine, Egypt and Asia Minor. From Egypt the Manichaeism spread further to the North Africa and Spain; from Syria via Asia Minor to Greece, Illirya. Note that Mani preached in India and Kashgar. His disciple Mar Ammo succeeded in converting residents of Abarshahr (Nishapur) and Merv into a new faith. In his time, Khorasan became a principal center of Manichean church and base for disseminating the Manichaeism to the east, principalities of Eastern Turkestan, the country of Turks and China. Note that Mar Ammo visited a valley of Ox (Amu Darya) where he founded a Manichean community. At that period, the most effective means of disseminating religious teachings proved to be trade caravans, so Manicheans were frequently engaged in merchandising. This colonization aspect of Manichean missionary was probably meant in Mani’s instructions to the well-known preacher Adday: “Don’t take them (sermons) away but stay where you are (i.e. in the lands where the teaching is disseminated) like a merchant who uncovers a treasure!” Thus, “stationary bases” of Manichean preaching sprang up all over the Great Silk

ди.

Считается, что Мани принадлежат семь книг учения на восточноарамейском языке, и только «Шапуракан» является единственным сочинением, написанным на среднеперсидском. Содержание многих книг сохранилось фрагментарно в нескольких группах письменных источников - это турфанские и коптские фрагменты манихейских книг, изложение манихейского учения служителями восточной и западной церкви и свидетельства мусульманских авторов. Большая коллекция манихейских фрагментов была обнаружена в ходе нескольких экспедиций в Турфан. Среди находок имеются тексты на среднеперсидском, уйгурском (тюркском), согдийском, китайском, парфянском, бактрийском языках.¹ Благодаря письменным свидетельствам мы познаем сущность учения Света.

Манихейское учение базировалось на трех неизменных составляющих: учении о дуализме, космогоническом мифе и учении о душе. Согласно манихейскому вероучению, мир изначально состоял из двух основ - Света и Мрака, которые существовали совершенно изолированно друг от друга. Однако из-за зависти и злобы силы Мрака затеяли войну против Света Живого. Пять стихий-воинов (тюрк. *oylan*) Света (бог лёгкого ветра *tintura tengri*, бог ветра живого *yel tengri*, бог света живого *yaruq tengri*, бог воды *suv tengri*, бог огня *ot tengri*) под предводительством светоносного Первочеловека вступили в битву со стихиями-антиподиями.²

Частицы Света и Мрака смешались, и был образован материальный мир Смешения – это мир человеческого общества. Поэтому сущность человека воспринимается как состоящая из материального и духовного, темного и светлого, доброго и злого. Первостепенная задача сил Света - осуществить разделение частиц Света и Мрака подобно изначальному, тогда как воины Мрака стремятся не допустить этого, сохранить мир Смешения как потенциальную область своего завоевания. Таким образом, согласно манихейству в человеческом обществе силы Света и Мрака ведут непрерывную борьбу за обладание светлыми частицами души человеческой. Земной мир был создан для того, чтобы спасти частицы света, заключенные в душе человека, похищенные силами тьмы. В «Актах Архелая» сущность души заключается в интеллектуальных качествах человека. «Название же души следующее: разум, размышление, рассудок, мудрость, интеллект, смысл».³

В манихействе был очень развит астральный культ основных светил – Солнца и Луны – кораблей, созданных для спасения частиц света. На пути спасения частиц света первым кораблем была Луна. «Тогда же он (Свет – Т.К.) создал для спасения душ машину с

Road.

Mani is believed to have authored seven books on his teaching in the Eastern Aramaic language, and just “Shapurakan” is the only work written in mid-Persian. Scores of his works are extant in fragmentary form in several groups of written sources, including Turfan and Coptic fragments of Manichean books; elucidation of the Manichean teaching by ministers of eastern and western churches and testimonies of Moslem authors. A great collection of Manichean fragments was discovered as a result of several expeditions to Turfan. There are texts in the mid-Persian, Uygur (Turkic), Sogdian, Chinese, Parthian and Bactrian languages.¹ These are written evidences that inform us about the nature of the teaching of Light.

It has to be kept in mind that the Manichean teaching was based on three invariables: teaching of dualism, cosmogonic myth and teaching of soul. Under the Manichean doctrine, the world has initially been composed of the two principles: Light and Dark, isolated from each other absolutely. However, due to envy and malice, forces of Dark launched a war against Light. Five warriors-elements (Turkic *oylan*) of Light (god of light breeze *tintura tengri*; god of live wind *yel tengri*; god of live light *yaruq tengri*; god of water *suv tengri*; god of fire *ot tengri*) headed by light-bearing Primeman entered into struggle against elements-antipodes.²

Particles of Light and Dark merged to give birth to the material world of Mixing, i.e. the world of human society. Therefore the man's nature is perceived as consisting of material and spiritual, dark and light, good and evil. A matter of paramount importance for forces of Light is to primarily separate particles of Light and Dark, while warriors of Dark are seeking to avoid this and preserve the world of Mixing as a domain of their conquest. Thus, under the Manichaeism, forces of Light and Dark are, within the human society, involved in incessant struggle for pure particles of human soul. The earthly world was created to rescue particles of Light stolen by forces of Dark and contained in the man's soul. “Acts of Archelay” maintain that the essence of the soul is attributable to intellectual properties of an individual. “The soul's title is as follows: reason, reflection, mind, wisdom, intellect and sense”.³

Perfectly developed in the Manichaeism was the astral cult of principal heavenly bodies – Sun and Moon as boats meant to save Light particles. The Moon proved to be a maiden boat on the path of particles' salvation.

двенадцатью сосудаами, которая, обращаясь, подымает вверх души умерших. И взяв их лучами, великое светило очищает их и передает луне и, таким образом, наполняется круг луны».⁴ Так разворачиваются элементы космогонического мифа, несложно объясняются фазы луны. Одновременно эти представления тесно связываются с учением о душе. На Луне происходит окончательное очищение души живой, которая затем в качественно возрожденном состоянии через Солнце поднимается к Свету. Солнцу и Луне поклонялись как идолам в виде антропоморфных изваяний. По этому поводу Абу Рейхан Бируни говорил, что к идолопоклонству «склоняется и Мани, когда говорит: «Люди [Других] религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо они не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия».⁵

Согласно учению Мани, в мире всегда существовала одна истина – Свет, которую локально возвещали три великих апостола – Будда на Востоке, Заратуштра в Иране, Иисус Христос на Западе. В локальности этих вероучений заключалась их недостаточность и ущербность. Свет же истины от Мани абсолютен, целостен, ничем не затемнен, совершенен и пространственно универсален. С позиции новой доктрины в манихейском вероучении присутствует все рациональное и приемлемое из названных религий, учитывается существование наиболее значимых местных культов, которые вводились в манихейские религиозные сюжеты. Поэтому куда бы ни приводила миссионерская проповедь манихеев, везде она в своих целях ориентировалась на местные верования и культы. Манихейство стремилось приспособиться к формально господствующей там религии, оставляя при этом незыблемой концепцию своего учения.

Интенсивная миссионерская деятельность Мани была прервана после смерти Шапура в 273 г. и весьма недолгого правления его наследника Ормузда I (ум. 274 г.), когда на иранский престол взошел Бахрам I. По приказу нового шахиншаха, подстрекаемого зороастрийскими священниками, учение Мани было признано порочным, а его пророк оказался в заключении. По некоторым сообщениям, Мани умер от истощения и бичевания, по другим – с него живым содрали кожу и повесили тело на всеобщее обозрение.

В результате жесточайшего ostracism на родине последовало бегство манихеев из Сасанидского Ирана, что еще более усилило проникновение манихейства в ближайшие и отдаленные страны. Известно, что манихейская религия заняла прочные позиции в Согде, поэтому именно согдийские купцы на протяжении длительного времени были глашатаями и проповедниками этого вероучения среди тюрков. О

“It was he (Light – T.K.) who invented a machine with twelve vessels which raises souls of the dead when converted. Having taken them with its rays, the Great Luminary does purify them and gives further to the Moon and so a Moon’s circle is filled”.⁴ So are lined elements of cosmogonic world to easily explain lunar phases. At the same time, these views are closely related to the teaching of soul. A living soul is completely purified in the Moon and then, qualitatively revived, using the Sun, turns towards the Light. The Sun and the Moon were worshipped like idols in the form of anthropomorphic statues. Touching upon this matter, Abu Reyhan Biruni maintained that “Mani was also prone toward idolatry as saying: “People of other religions reproach us for worshipping the Sun and the Moon, creating their images as idols, for they are unaware of their genuine nature, specifically, they are our ways and gates into the world of our being”.⁵

Under the Manichaeism, just one and only truth has always been in the world: Light which are locally heralded by three Great Apostles – Buddha in the East; Zoroaster in Iran; Jesus Christ in the West. It was the locality of these faiths that accounted for their insufficiency and imperfection. Instead, the Mani’s Light of Truth is absolute and integral, unsullied, perfect and spatially universal. When adjusted for new doctrine’s requirements, the Manichean dogma is imbued with rational and conventional elements of the religions above; also, it allows for major local cults which were put in Manichean religious plots. No matter where a missionary preaching of Manicheans led to, it had always been based on local beliefs and cults to thus adapt itself to a formally predominant religion. In doing so, conceptual principles of the teaching remained unshakeable.

Intensive missionary activity of Mani broke off after Shapur’s death in and a short-term rule of his successor Ormuzd I (d. 274) where Bahram I ascended the Iranian throne. By order of the new Shah instigated by Zoroastrian priests, the Mani’s teaching was announced vicious, the prophet himself imprisoned. According to some information, Mani died from emaciation and flagellation; another reports said that he was first skinned and then hanged publicly.

As a consequence of the caustic ostracism, Manicheans had to flee from Sasanid Iran which, in turn, intensified the Manichaeism filtration into the nearest and distant countries. The Manichaeism is known to have taken steadfast position in Sogda, so it is no mere co-

принятии манихейства уйгурами при Бёгю-кагане говорится в китайской версии Карабалгасунской надписи: «Жуй-си и других – всего четырех монахов, [Бёгю] привез в свое государство. Они распространяли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона Мани сокровенно достигли святых ворот, овладели семью разделами. Их таланты превосходили моря и горы. Их красноречие было подобно падающей с небес реке. Поэтому они смогли открыть уйгурам праведное учение. [Они] отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. Этим они установили большие заслуги. Тогда [им] сказали: «Вы соединили всю возможную благодать». В это время тутуки, чигши, внутренние и внешние министры, сыма – все доложили: «Ныне раскаиваемся в прежних грехах, почтительно служим праведному учению. Принимаем указ и объявляем [его]» ... и приняли учение света».⁶

В 758 г. уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану удалось разбить енисейских кыргызов, манихейство укоренилось на среднем Енисее, о чем свидетельствуют многие надписи на камне и архитектура храмов с астральными сюжетами манихейской доктрины. Более того, манихейство приобрело у кыргызов государственный статус, а кыргызский каган в китайских текстах назывался каганом Света.⁷ Применительно к времени после арабского завоевания и сопутствовавшего ему внедрения ислама в завоеванных странах Абу Рейхан Бируни тысячу лет назад писал: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же касается всемусульманского [мира], то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии».⁸

На территории Западно-Тюркского каганата манихейство стало распространяться в одном из важнейших ремесленно-торговых центров тюрков и согдийцев – древнем Таласе. Талас был той страной, которую источники того времени называют Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш. Сведения об этом содержатся в тюрко-манихейской «Священной книге двух основ» (Iki yiltiz nom). Фрагменты этой «Книги» были обнаружены экспедицией А. фон Лекока в 1907 году в селении Караходжо (Турфанский оазис). Она была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел». «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан.⁹ Ее составление относится к первой четверти VIII века. Одним из тех, кто пользовался учением Света, был Арслан Менгю. В стране Аргу были

incidence that for long span of time Sogdian merchants preached this belief among Turks. The adoption of Manichaeism by Uygurs under Begu-kagan is mentioned in a Chinese version of Karabalgasun inscription: “Zhuy-si and others, total four monks, were brought by Begu to his state. They were engaged in disseminating two kumirnya (a pagan chapel with idols inside) and penetrated into three limits. Tutors of the Mani law reached holy gates secretly and possessed seven partitions. Their talents exceeded seas and mountains. Their eloquence was similar to a river falling from heavens. Therefore they acquainted Uygurs with a righteous teaching. They rejected meat but adopted milk products. In so doing, they made a great contribution. Then they were told: “You combined all possible mellowness”. At that time Tutuki, Chigshi, internal and external ministers Syma reported: “Now we are remorseful of our former sins and serving the righteous teaching. We adopt a decree and announce about it” ... and adopted the teaching of Light”.⁶

After Uygur Eletmish Bilge-kagan managed to crush Yenisei Kirghizs in 758, the Manichaeism established itself in mid-Yenisei, as testified by numerous stone inscriptions and architecture of temples with astral plots of the Manichean doctrine. Even better, the Manichaeism assumed a state status among Kirghizs, and the Kirghiz kagan was titled as kagan of Light in Chinese texts.⁷ Conformably to the post-Arab conquest period and concomitant introduction of Islam in the conquered countries Abu Reyhan Biruni wrote thousand years ago: “Mani had followers dispersed in different localities whose belief goes back to Mani. There is no place for them to concentrate in the Islamic countries; there is just a community in Samarqand. As for All-Moslem world, the Mani’s teaching is professed by most eastern Turks, residents of China, Tibet and a part of India”.⁸

As for the territory of the West-Turkic kaganat, the Manichaeism began first spreading in one of the major trade-craft centers of Turks and Sogdians – ancient Talas. This was the country referred to by sources of the reviewed period as Argu-Talas, Altun-Argu-Talas, Argu-Talas-Ulush. Appropriate information is provided by the Turkic-Manichean “The Sacred Book of Two Principles” (Iki yiltiz nom). Fragments of the “Book” were discovered by the expedition of A. von Lekok in 1907 near the village of Karahodjo (Turfan oasis). It was written in Argu-Talas with a view of “awaking a faith in the country of ten arrows”. “The Book” was dedicated to the ruler

установлены четыре манихейских храма: в Чигиль-бальке, Кашу, Орау-кенте и Йигян-кенте. Поэтому у наследников западных тюрков-тюркешей, ополчившихся против завоевателей арабов, имелись не только политические и экономические, но религиозные мотивы. Сменившие власть тюркешских каганов карлуки также оказывали сопротивление носителям ислама и хотя в этот период арабское влияние распространилось на такие тюркские города, как Тараз (арабизированное название Талас), Фараб, Испиджаб, они оставались наиболее спокойными владениями арабов. Таким образом, мы на основании ряда письменных и археологических источников можем говорить о существовании тюркского манихейства, который имел глубокие корни и органично вплелся в общую дуалистическую концепцию тюркского мировоззрения.

Следующее упоминание об Аргу относится к караханидскому периоду истории Казахстана и отмечено в замечательном труде Махмуда Кашгарского (XI в.). Именно в стране Аргу был возведена крепость Чигиль. Об этих событиях и местности Чигиль, находившемся на расстоянии «человеческого голоса от Таласа»,¹⁰ Махмуд Кашгарский писал: «Когда Зу-л-Карнейн (Александр Македонский) дошел до страны Аргу, тучи пролили потоки воды, и дорога стала грязной, отчего его постигли большие затруднения. Он сказал по-персидски: «Ин чи гиль аст?» что значит: «Что это за грязь, мы никак не избавимся от нее?!». И приказал возвести здесь крепость. И была построена крепость, которая теперь называется Чигиль... Потом те из тюрков, кто поселился в этой крепости, стали называться «чигиль». Позже это название распространилось... И назвали тех, кто одевался по-чигильски, т.е. всех тюрков, живущих от Джейхуна до Верхнего Китая, чигиль, и это ошибка».¹¹

За внешне обыденным рассказом об основании города и народной этимологии слова «чигиль» кроется указание на важное положение доктрины. В манихействе грязь – это материальный элемент (в том числе, человеческая плоть) всякого творения в области смешения Света и Мрака. Стремление к «избавлению от грязи» подразумевает освобождение души Живой из уз Материи, от грязи, оскверняющей чистоту Света. Постоянное очищение от грязи Материи и Мрака составляет содержание всего процесса вознесения души (главным образом, души избранника) к царству Света, который в других текстах назван Йол-Тенгри.¹² В другом, также манихейском по содержанию, рассказе Махмуда о Черном предводителе Шу говорилось, что у него был «отряд» из сорока юношей-«разведчиков». Число 40 по-персидски обозначалось словом čihil. Возможно, таково значение слова čigil и в тюркской среде. По мнению Дж.П.

from chigil-arslan tribe named Il-tirgyug, alp-burguchan, alp-tarkhan.⁹ It was compiled in the first quarter of the 8 century. Arslan Mengyu was reputed to be among users of the Light teaching. There were four Manichean temples in the country of Argu: in Chigil-balyk, Kashu, Ordu-kent and Yigan-kent. For this reason, Tyurgeshes, successors to the western Turks who opposed Arab invaders, had not only political and economic but also religious motives. Successors to the power of Tyurgesh kagans - karluks also resisted supporters of Islam and in spite of the fact that the Arab influence extended to such Turkic towns as Taraz (Arabicized name of Talas), Farab, Ispidjab, these remained to be the most disturbing possessions of Arabs. Thus, on the basis of some written and archaeological sources one can say with certainty that there existed the Turkic Manichaeism with its deep roots which organically interspersed into the common dualistic concept of the Turkish world outlook.

The next record of Argu dates back from the Karakhanid period in the history of Kazakhstan and is mentioned in a remarkable work by Mahmud the Kashgarian (11 century). It was the country of Argu that gave birth to the fortress of Chigil. With reference to these events and the locality of Chigil, located at a distance of “human voice from Talas”,¹⁰ Mahmud the Kashgarian wrote: “When Zu-l-Karnein (Alexander the Macedonian) reached the country of Argu, clouds poured out waters, and the road got dirty, following which he was faced with great difficulties. He said in Persian: “In chigil ast?” what meant: “What a dirt is it? We cannot get rid of it!” So he ordered to erect a building here. And the fortress arose in this place; now it is called Chigil ... Hence, Turks residing in the fortress were titled as “Chigil”. Later on, this name became widely practiced ... This name applied to those dressing themselves in a chigil manner, i.e. all Turks residing from Jeyhun to Upper China, hence, chigil is a mistake”.¹¹

Behind an ordinary story of the foundation of the town and a popular etymology of the word “chigil” there is an indication to an important tenet of the doctrine. Under the Manichaeism, the dirt is a material object (including an flesh) of any creation within the Mixing of Light and Dark. Aspiration for “deliverance from dirt” implies liberation of living soul from bonds of Matter that profanes the purity of Light. Incessant purification from dirt of Matter and Dark is the gist of soul ascension (mainly, soul of the chosen one) to the kingdom of Light which is referred to in other texts as Yol Tengri.¹²

Асмуссена чигильская манера одеваться, т.е. носить долгополую одежду (*uzun tonluγ*), была тюркским названием всех манихейцев.¹³ Как доказательство можно вспомнить слова юношей-манихеев из покаянной молитвы «Хуастуанифт» «Так как мы в прежнем существовании и в этом /своем/ существовании, будучи сами молодыми людьми в длиннополых одеждах (*uzun tonluγ*), сколько мы ошибались и грешили...» (стк. 111-112).

Не менее красноречиво о существовании манихейства на данной территории говорит сам термин «Аргу», часто присутствующий в манихейских текстах. Прилагательное «аргу» (*arγu*) этимологизируется на основе тохарского языка (тох. А *ārki*, тох. Б *arkwi*; отсюда тюрк. *arqij*, *arqun*, *arxon*) со значениями «белый», «серебряный», «чистый». В китайских летописях это слово воспроизводилось в значении «белый». Это следует из случая калькирования этого понятия, приведённого в труде Н.Я. Бичурина: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу) ... китайцы называют их Белыми горами Бай-шань».¹⁴ Это тохарское заимствование омонимично тюркскому *arγu/arqu* «ущелье», поэтому название «страна Аргу» воспринималось исследователями как «страна с долинами между гор» или «страна, изрезанная ущельями».¹⁵ Между тем такое его понимание едва ли применимо к манихейскому Аргу-Таласу или к манихейским чистым земле и небу в выражении «аргунские земля и небо (*arqun yir tengri*) почему потом исчезнут?».¹⁶ Белый (~чистый, светлый) – основной цвет манихейства и его элементов: Белый отец, белый принц, белое племя, белое одеяние, белое облако, белый лотос и подобное, так же как и Белый (~чистый, светлый) Талас. «Рассказывают, – говорится в манихейской «Книге притч», – что Белый отец, выбрав в трёх мирах своих противников (по вере?), принудил их к покаянию и молитве...». По этому поводу С.Г. Кляшторный пишет: «Белый отец – не что иное, как *arγu dīntar* «чистый священнослужитель» манихейской общины».¹⁷ Страной учения Света (кит. Мин-цзяо) и была страна Аргу, расположенная на землях «от Баласагуна до Испиджаба» или «от Баласагуна до Тараза».

В прижизненной надписи Тоньюкука, знаменитого советника трех каганов восточных тюрков, слово Аргу употреблено в форме Аркуй. Речь идет о страже Аркуй (тюрк. *Arquy qarayū*), которую возвысил Тоньюкук: «Я и в разведку посылал на дальние расстояния, Белую стражу (*Arquy qarayū*) я возвысил, я знал о приближении угрожавших нам врагов» (Тон. 53). Согласно учению, стражи Света были поставлены на границах Света и Мрака, это пять воинов-тенгри Первого человека.¹⁸ Стража Аркуй в надписи Тоньюкука отражает манихейский образ страны Света

Another Manichean-tended story of Mahmud about the black chief Shu says that he had “a detachment of forty young men-scouts”. The number 40 in Persian was denoted as *čihil*. Perhaps, the meaning of *čigil* in the Turkic environment was the same. A chigil manner of wearing, i.e. wear long-skirted clothes (*uzun tonluγ*), was, to J.P. Asmussen’s thinking, a Turkic name of all Manicheans.¹³ Evidence of this are words of young men-Manicheans from apenitential prayer “Huastuanift” “For we in the past and now in the present as young people wearing long-skirted clothes (*uzun tonluγ*) made great mistakes and sinned ...” (стк. 111-112).

Note that very term “Argu” often found in Manichean texts is a vivid evidence of the Manichaeism. Adjective “argu” (*arγu*) is etymologized on the basis of the Tohar language (тох. А *ārki*, тох. Б *arkwi*; from this follows Turkic. *arqij*, *arqun*, *arxon*) which means “white”, “silver”, “clean”. The Chinese chronicles used this word as “white”. This follows from tracing this notion as referred to in the work by N.Y. Bichurin: “A ridge of Heavenly mountains starts in Kashgar district from Argu-tag (Mt. Argu) ... Chinese call it Bai-shan – White mountains”.¹⁴ This Tohar loan-word is homonymous to the Turkic *arγu/arqu* “gorge”, therefore a name “a country of Argu” was interpreted by researchers as “a country with valleys between mountains” or “a country indented by gorges”.¹⁵ In the meanwhile, this interpretation can hardly be applied to the Manichean Argu-Talas or Manichean pure land and sky as used in the expression “Argun lands and sky (*arqun yir tengri*) Why will they disappear afterwards?”.¹⁶ White (~pure, bright) – basic color of the Manichaeism and its elements: white father, white prince, white tribe, white garment, white cloud, white lotus, etc.; similarly to White (~pure, bright) Talas. “They say, – the Manichean “Book of Parables” notes, – that White father, having chosen his opponents (by belief?) in the three worlds, forced them to repentance and praying...». As regards this, S.G. Klyashtorniy writes: “White father is none other than *arγu dīntar* “pure priest” of Manichean community”.¹⁷ The country of the teaching of Light (Chin. Min-tzyao) was the country of Argu located on lands “from Balasagun to Ispidjab” or “from Balasagun to Taraz”.

A life-time inscription of Tonyukuk, famous advisor to three kagans of eastern Turks, applies a word *argu* in the form *Arkuy*. The point is about the *Arkuy* guard (Turkic *Arquy qarayū*), promoted by Tonyukuk: “I reconnoitered at great distances, I promoted the White

Аргу. Образ стражи Аркуй напоминает образ славных воинов-чериков, в стране которых, Аргу-Таласе, была закончена работа над колофоном «Священной книги двух основ». Именно отсюда среднеазиатское манихейство получило свое распространение в землях восточных тюрков и затем было принято в качестве официальной религии в Уйгурском каганате. Помимо фрагментов письменных источников о существовании манихейства и его отношении к Аргу-Таласу, и сообщений из «Словаря» Махмуда Кашгарского, имеется также ряд археологических находок в местности древнего Таласа (ныне этот город носит название Тараз, а в советский период был Джамбулом).

В 1957 году в Джамбуле в районе так называемого «Мучного рынка» в ходе строительных работ были вскрыты участки культурных слоев средневекового Таласа. Среди находок были обнаружены изящно изготовленные предметы, связанные с религиозными верованиями населения. Находки эти представлены крышками оссуариев с человеческими головками, отпечатками штампов на хумах с изображениями собак, козлов и львов, луны и солнца, обломками столиков (дастарханов) с богатыми растительными узорами, медальоном с изображением женщины, на шее - ожерелье из круглых бус, в нижней части скрепленное миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, и другими предметами.¹⁹ Все они связаны с манихейским вероучением. Например, рассмотрим скульптуру льва. Образ льва и дракона фигурирует в «Кефалайе» и обозначает силы Тьмы, которые сражаются за обладание миром людей: «Царь Дыма, пришедший из глубины тёмной; он же вождь всего зла и всей злобы. От него пошла начало и замысел войны, а также все битвы, борения, опасности, сражения... Он начал воевать со Светом, затеял войну с царством возвышенным. Что до царя Мрака, то у него пять форм: голова, как у льва..., туловище, как у дракона» (Кефалайя, 30, стк. 25-36). В отчете Валентина Меченосца, прибывшего из Константинополя в 576 году к западным тюркам через Талас, говорится: «Посольство достигло того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей туркских, который приезжающим в эту страну попадает навстречу прежде других. Старейший же единодержец туркский называется Арсила». Этот византийский источник - хронологически первое письменное упоминание области Талас и манихейского по содержанию имени-сана Арслан, носитель которого олицетворял собой средоточие духовной и светской власти.²⁰ Лев не был известен в фауне Семиречья и большей части Центральной Азии. Северо-восточным пределом обитания персидского льва был Согд. Поэтому наиболее ранним его обозначением в тюркских языках было среднеперсидское «шир/шер». Собственно тюркское название «арс-

guard (Arquy qarayu), I knew that the enemy was approaching” (Ton. 53). Under the teaching, guards of Light were on the watch on the borders of Light and Dark, these are five warriors-tengri of Primeman.¹⁸ The Arkuy guard in the inscription of Tonyukuk is reflective of the Manichean image of the country of Light Argu. An image of the Arkuy guard is reminiscent of glorious warriors-cheriks, in the country of whom – Argu-Talas - a work over the colophon of “The Sacred Book of Two Principles” was over. From here, the Central Asian Manichaeism was spread in the lands of eastern Turks and then adopted as official religion in the Uygur kaganat. In addition to evidences of written sources on the existence of the Manichaeism and its attitude to Argu-Talas, as well as reports from “The Dictionary” by Mahmud the Kashgarian, there is a number of archaeological finds on the ancient site of Talas (now Taraz; formerly Jambul in the Soviet period -).

In 1957, in the course of building operations on the site of the so-called “Flour market”, Jambul, cultural layers of medieval Talas came to light. The survey revealed refined articles bound up with religious views of the population. These included lids of ossuaries with human heads, stamps on huma with depictions of dogs, goats and lions, Moon and Sun, fragments of dastarkhans (tables) with rich vegetable tracery, medallion with picture of a woman with a necklace of round beads, fastened in the lower part with a small article in the form of crescent moon.¹⁹ All the finds are related with the Manichaeism. Let's consider a lion's sculpture. Note that images of lion and dragon are shown in “Kefalaya” to denote forces of dark in the struggle for possession of human world: “King of Smoke” who came from dark depths is the chief of all evil and malice. He gave birth to the beginnings of war, as well as all battles, struggles and dangers. He started a struggle against Light and arranged a war against the kingdom of sublimity. As for the king of Dark, he has five forms: head like lion's and body like dragon's” (Kefalaya, 30, стк. 25-36). A report of Valentine the Sword-bearer who arrived from Constantinople in 576 году to the western Turks via Talas says as follows: “The Embassy reached a land with military signs of Turksanf, a Turkic prince which newcomers are faced with, in the first turn. The oldest Turkic sovereign is called Arsila”. The Byzantine source is the chronologically first written evidence of region Talas and that of Manichean-implied name and cloth of Arslan who personified the concentration of spiritual and secular power.²⁰ Note that the

лан» было вторичным, несмотря на сравнительно раннее (VI в.) его упоминание в письменных источниках. На первых порах они сосуществовали, как это имеет место и поныне. В «Изначальной черепахе императорской библиотеки» под 644 г. имеется первое китайское сообщение о карлуках, которые названы в источнике ши-гэлолу, т.е. шир-карлуки.²¹ Обозначение термина шир/шер встречается в тексте надписи Кюли-Чору (стк. 21). В надписи говорится о трехлетней войне между тюрками и карлуками (709-711 гг.). Предводитель карлуков носил титул шир-иркин. Дж. Клаусон и Э. Триярский отмечали, что термин «шир» может быть идентифицирован с центральным словом в тексте надписи Тоньюкука «тюрк-шир будун» (Тон, 3, 11, 61).²² В одном из документов «Полного собрания документов династии Тан» сообщается, что асалань сыцзинь, т.е. Арслан-иркин, добивался танского подданства. К монгольскому времени относится сообщение о карлукском предводителе Арслан-хане.²³ Можно предположить, что для карлуков титул арслан или шир был традиционным. Описанный Гилюмом де Рубруком манихейский храм в столице карлуков Каялык имеет прямое отношение к рассматриваемому образу льва и пониманию его именно как манихейского символа.²⁴ Образование династии Караханидов связано с автохтонным населением Карлукского каганата - с племенами ягма, чигиль, тухси, карлук, аз. Власть в государстве была поделена между знатью двух племен - чигиль и ягма, которые составляли ядро карлуков. Имя-титул Арслан долгое время сохраняется в титулатуре правителей этих государств.

Следующий образ - это медальон с изображением женской головки. Шея свободна от одежды, на ней ожерелье, скрепленное в нижней части миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, обращенного концами вниз. Всё изображение снизу окаймлено большим лунным серпом. Сам же лук, равно как согнутый палец, ребро - образы, которые у многих народов древности символизировали нарождающуюся луну (месяц). Мы уже говорили о важном значении Луны в манихействе. В одной из турфанских фресок сам Мани в окружении святых изображен в образе божества полнолуния. Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов - «мудрым знанием». Он был властелином, воскрешающим мёртвых. Он требовал покаяния: «В каждый день бога Луны (aj tengri), чтобы освободиться от грехов наших и пороков наших перед богом, писанием {пот} и перед чистыми священнослужителями, нужно было каяться».²⁵ Безусловно, что таласский медальон обозначал богиню Луны. В найденном таласском медальоне важна и наполнена глубоким смыслом каждая деталь, в том числе и ожерелье на открытой шее богини. В персидской поэзии

lion was not known in the fauna of Seven Rivers and a greater part of the Central Asia. Sogd was the north-eastern bounds of the Persian lion habitat. Hence, the mid-Persian shir/sher is its earliest denotation in the Turkic languages. Its Turkic proper name arslan was of secondary origin even despite its being mentioned earlier (6 century) in written monuments. At first, they co-existed, so do they till now. "The Primordial Tortoise of the Imperial Library" of 644 provides the first Chinese information about karluks, mentioned in the source as shi-gelolu, i.e. shir-karluki.²¹ The term shir/sher is found in the text of Kyuli-Choru inscription (стк. 21). The inscription narrates about a 3-year war between Turks and karluks (709-711). Chief of karluks bore a title of shir-irkin. J. Clawson and E. Triyarskiy noted that the term "shir" may be identified with a central word in the text of inscription Tonyukuka "turk-shir budun" (Ton, 3, 11, 61).²² One of the documents of the "Complete Documents of the Tan Dynasty" says that asalan sytzin, i.e. Arslan-irkin sought to be Tan naturalized. Pertaining to the Mongolian period is a report on karluk leader Arslan-khan.²³ Perhaps, a title arslan or shir was traditional for karluks. A Manichean temple described by Guillemots de Roubruc in the capital of karluks - Kayalyk is directly associated by an image of lion above and its comprehension as Manichean symbol.²⁴ It should be noted that the formation of Karakhanid dynasty was bound up with the autochthonous population of Karluk kaganat together with tribes of yagma, chigil, tuhsi, karluk, az. The power was divided between the nobilities of the two tribes - chigil and yagma which made up a core of karluks. Note that the title of Arslan had for long been used in the titlature of this state' rulers.

The next image is a medallion with depiction of woman's head. Her neck is free of clothes but fringed with a necklace fastened in the lower part by a diminutive article in the form of downcast crescent moon. The whole picture is hemmed with a large crescent moon from below. Added to this can be that a bow, equally with a bent finger or a rib, whose images symbolized the rising Moon, were spread among scores of ancient peoples. An importance of the Moon in the Manichaeism has already been dealt with. A Turfan fresco shows Mani as full Moon God surrounded by saints. The God of Moon possessed an integral property of gods - "wise knowledge". He was sovereign capable of raising from the dead. Also, he demanded the penance: "It was necessary to repent before God, Scripture (pot)

чистота и совершенство нередко сравнивались с россыпью драгоценного жемчужного ожерелья, посылающего дождь Плеяд. В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты Света, к достижению которой стремится душа праведника. Ввиду важности текста, приведём рассказ об этом, вложенный в уста Светоча по коптскому трактату. Каплевидные жемчужины «великой цены» происходят от капель дождя, падающих в море. Одеждой им служит скорлупа, напоминающая своим цветом прибрежную пену морской волны («а скорлупа бывает из пены»). Жемчуг созревает лишь в определённых местах моря и в назначенное время, известное ныряльщикам. «Ныряльщики знают его, - и они ловят их: плавают, ныряют в тех местах и выносят жемчужину вверх из глубины морской... Ныряльщики отдают их купцам, а купцы отдают царям и знатым людям. Такова, подобно этому, и святая церковь, собирающая от Души живой (т.е. пяти светлых стихий, сынов Первочеловека, связанных после Смешения тёмными стихиями в материальном мире): она собирается, возносится, поднимается из моря и помещается во плоти человеческой; плоть же человеческая подобна пене и скорлупе. А поднятая вверх добыча подобна капле дождя, тогда как Апостол (т.е. основатель истинной веры, эманация Разума света) подобен ныряльщику; купцы - это Светила небесные (Солнце и Луна), цари и знатные люди - это зоны Величия (т.е. бесчисленное множество светлых миров, населенных божествами). Ибо всем душам, которые восходят в плоть человеческую, а потом освобождаются и возносятся к великим зонам Света (т.е. в Рай)... Вы же, мои возлюбленные, должны всячески стремиться стать жемчужинами добрыми и достаться небу через Ныряльщика светлого. Он приведёт вас к старшине купцов».²⁶

По свидетельству современников, Мани был выдающимся художником и, очевидно, в силу его художественных пристрастий живопись стала обязательным и отличительным атрибутом манихейства. Она играла не только эстетическую, но и наглядно воспитательную и большую пропагандистскую роль. Такова наполненная глубоким содержанием живопись манихейской галереи в Турфане. С этих же позиций можно рассмотреть таласскую живопись с растительным мотивом, сквозным в манихействе. Изображение креста со стилизованными растительными символами в его створах на керамических плитках на-стенной облицовки в Таласе - это манихейский крест Света. Растения - это стихии Света, распятые и связанные в материальном мире.

В заключение остается сказать, что распространяясь в различных странах, манихейство «одевалось» в одежды тех верований и религий, которые

and pure priests in each day of Moon God (aj tengri) to thus get free from our sins and vices".²⁵ Beyond any doubts, the Talas medallion symbolized the Goddess of Moon. Each piece of the medallion is significant, including a necklace on Goddess' open neck. Note that the purity and perfection were regularly likened in the Persian poetry to the scattering of precious pearl necklace of the rain-granting Pleiades. Under the Manichean teaching, a pearl personified Light's perfect purity which the soul of righteous man is seeking to achieve. Owing to the significance of the text, let's cite a story about it retold by Luminary as set forth in the Coptic treatise. Drop-shaped pearls of the "highest price" originate in rain drops falling into the sea. Their clothes are made of shell reminiscent of coastal foam of sea wave ("a shell is made of foam"). A pearl ripens in certain places of the sea at a time of which divers are aware only. "Divers know it, - and they catch it, swim, dive in necessary places, take a pearl out of depths. Divers give it to merchants, the latter to kings and noblemen. Of the same is the holy church that levies from the living Soul (i.e. five light elements, sons of Primeman bound up after Mixing by dark elements in the material world): it gets together, rises high, ascends from the sea and places itself into the human flesh; the flesh is like foam and shell. A risen loot is similar a rain drop, while Apostle (i.e. founder of the true belief, emanation of Light's Reason) is similar to diver; merchants are heavenly bodies (Sun and Moon), kings and noblemen are zone of Grandeur (i.e. countless number of light worlds populated by deities). For all souls who penetrate the human flesh, and then set free to go up to great zones of Light (i.e. Paradise). You, my beloved, must in every possible way strive for becoming good pearls and reach Heavens through the light Diver. He will lead you to merchants' foreman."²⁶

As witnessed by his contemporaries, Mani was outstanding painter and, perhaps, due to his artistic liking, the painting became inalienable and distinctive attribute of the Manichaeism. It played not only aesthetic but visually educative and propagandist role alike. Evidence of this is apparent in the painting of the Manichean gallery in Turfan. The same is true of the Talas painting with its vegetable motifs typical for the Manichaeism. Depiction of the cross with stylized vegetable symbols in its wings on ceramic plates of wall facing in Talas is none other than Manichean Cross of Light. Plants are elements of Light, crucified and bound in the material world.

To conclude, widely spread in many countries the

уже существовали среди народа. Мани стремился к созданию универсальной религии. Утверждалось превосходство нового учения, однако, избранный метод включения в доктрину всего приемлемого постепенно способствовал растворению манихейства, делая его неузнаваемым. С другой стороны, приспособляемость к местным верованиям и культам привело к представлению о манихействе как ереси других религий.

1. **Литвинский Б.А., Смагина Е.Б.** Манихейство // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М., 1992. С.508, 518-521.
2. «Кефалайа» («Главы», 30, стк. 25-36) Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.
3. **Кац А.Л.** Манихейство в Римской Империи по данным Акта Archelai // Вестник древней истории, 1955, № 3. С.173.
4. **Кац А.Л.** Там же
5. **Абу Рейхан Бируни.** Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С.479.
6. **Камалов А.К.** Древние уйгуры VIII-IX вв. Алматы, 2001. С. 195.
7. **Зуев Ю.А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 250, 255.
8. **Абу Рейхан Бируни.** Указ.соч. С. 213.
9. **Henning W.B.** Argi and the «Tokharians» // Selected papers. Lieden, 1977. P. 552.
10. **Волин С.** Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.8. Алма-Ата, 1960. С. 81-82.
11. **Махмуд Кашгарий.** Туркий сўзлар девони (Девони лугоит турк). Т. I-III, Ташкент, 1960-1963. 374 бет.
12. **Зуев Ю.А.** Манихейское святилище под Таразом // Известия МОН РК, 2004, № 4. С. 3-5.
13. **Asmussen J.P.** Xuastuanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965. P. 219.
14. **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. Алматы, 1998. С. 44.
15. **Махмуд Кашгарий.** Указ.соч., т.I. С.127, т. IV. С. 31.
16. «Хуастуанифт», стк. 136-137.
17. **Кляшторный С.Г.** Суджинская надпись - уникальный памятник эпохи «Кыргызского великодержавия» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С.130.
18. «Кефалайа», 30, 25, 36.
19. **Сенигова Т.Н.** Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН КазССР. Серия металлургии, обогащения и огнеупоров. Вып. 3. Алма-Ата, 1960. С. 97-101.

Manichaeism “clothed itself” in beliefs and religions that had already existed in local environment. Mани sought to create a universal religion, and the new teaching did consolidate its superiority; however, it was a method of inclusion of all the acceptable into the doctrine that gradually led to the dissolution of the Manichaeism changing it out of recognition. On the other hand, adaptability to local faiths and cults predetermined the Manichaeism’s perception as heresy among other religions.

1. **Litvinskiy B.A., Smagina E.B.** Maniheystvo // Vostochniy Turkestan v drevnosti i srednevekov’e. M., 1992. P. 508, 518-521
2. “Kefalaya” (“Glavi”, 30, stk. 25-36) Koptskiy maniheyskiy traktat. Per. s koptskogo, issledovanie, kommentariy, glossariy i ukazatel E.B. Smaginoy. M., 1998
3. **Kats A.L.** Maniheystvo v Rimskoy Imperii po dannim Acta Archelai // Vestnik drevney istorii, 1955, № 3. P. 173
4. **Kats A.L.** Ibid
5. **Abu Reyhan Biruni.** Pamyatniki minuvshih pokoleniy // Izbrannie proizvedeniya. Vol. I. Tashkent, 1957. P. 479
6. **Kamalov A.K.** Drevnie uyguri VIII-IX vv. Almaty, 2001. P.195
7. **Zuev Yu.A.** Rannie tyurki; ocherki istorii i ideologii. Almaty. 2002. P. 250, 255
8. **Abu Reyhan Biruni.** Ibid. P. 213
9. **Henning W.B.** Argi and the «Tokharians». // Selected papers. Lieden, 1977. P. 552
10. **Volin S.** Svedeniya arabskih istochnikov IX-XVI vv. o doline reki Talas i smejnih rayonah // Trudi Instituta istorii, arheologii i etnographii AN KazSSR. Vol. 8, Alma-Ata, 1960. P. 81-82
11. **Mahmud Kashgariy.** Turkiy suzlar devoni (Devoni lugotit turk). Volume I-III, Tashkent, 1960-1963. P. 374
12. **Zuev Yu.A.** Maniheyskoe svyatilishe pod Tarazom // Izvestiya MON RK, 2004, № 4. P. 3-5
13. **Asmussen J.P.** Xuastuanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965. P. 219
14. **Bichurin N.Ya.** Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena. Vol. III, Almaty, 1998. P.44
15. **Mahmud Kashgariy.** Ibid, vol. I, P.127, vol. IV, P. 31
16. “Huastuanift”, stk. 136-137
17. **Klyashtorniy S.G.** Sudjinskaya nadpis’ – unikalniy pamyatnik epohi “Kirgizskogo velikoderjaviya” // Istochniki po srednevekovoy istorii Kirgizstana i sopredelnykh oblastey Sredney i Centralnoy Azii. Bishkek, 1991. P.130
18. “Kefalaya”, 30, 25, 36
19. **Senigova T.N.** Ikonographicheskoe izobrazhenie iz Taraza // Izvestiya AN KazSSR. Seriya metallurgii, obogosheniya i ogneuporov. Vip. 3. Almaty, 1960. P. 97-101
20. **Menandr.** Prodoljenie istorii Agaf’evoy // Vizantiyskie

20. **Менандр.** Продолжение истории Агафьевой / Византийские историки. I. Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1861. С. 370-375, 380, 416-422.
21. **Зуев Ю.А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы. 2002. С. 215.
22. **Clauson G., Tryjarski Ed.** The inscription at Ikhe Khushotu // Rocznik Orientaliszn. Vol. 34, z. 1, 1971. P. 19.
23. **Зуев Ю.А.** Указ.соч., 2002. С. 215.
24. **Байпаков К.М., Терновая Г.А.** Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002. С. 33-35.
25. «Хуастуанифт». С. 183-185.
26. «Кефалай», 204, стк. 1-20.
- istoriki. I. Per. s grech. S.Destunisa, SPB, 1861. P.370-375, 380, 416-422
21. **Zuev Yu.A.** Rannie tyurki; ocherki istorii i ideologii. Almaty. 2002. P.215
22. **Clauson G., Tryjarski Ed.** The inscription at Ikhe Khushotu // Rocznik Orientaliszn. T. 34, z. 1, 1971. P.19
23. **Zuev Yu.A.** Ibid, 2002. P.215
24. **Baypakov K.M., Ternovaya G.A.** Svedeniya o manihey-skom hrame Kayalika // Kulturnoe nasledie Yujnogo Kazakhstana. Shimkent, 2002. P.33-35
25. "Huastuanift". P.183-185
26. "Kefalaya", 204, stk. 1-20